

Все мы привыкли видеть этих людей «по ту сторону баррикад». Но, как говорил мой друг, всегда стоит помнить, что преподаватель – тоже человек, а раз так, то ничего человеческого, а стало быть, и студенческое, им не должно быть чуждо. Пользовались ли нынешние директора и проректоры шпаргалками? «Топили» ли их экзаменаторы? Оставались ли у них «хвосты»? Об этом узнаем из первых уст.

Данис Нургалиев, проректор по научной деятельности, директор ИГиНГТ КФУ, окончил геологический факультет КГУ в 1978 году:

Я учился на одни пятерки, а

это не очень хорошо

Я поступил на первый курс и попал в группу, где вместе с другими учились ребята после армии. Естественно, они были

более расслабленные, чем остальные студенты, и за период службы позабыли математику и другие предметы. Я окончил школу с золотой медалью, так что у меня с экзаменами проблем не было, а вот эти ребята были настоящими виртуозами в подготовке шпаргалок! Самая удивительная – это шпаргалка, которая состояла из двух перекатывающихся рулонов на резинке. Так вот, ее длина могла достичь 8 метров! С каким усердием ее изготавливали! Даже находили специальную тонкую бумагу для этих «рулончиков», которая бы еще и поменьше шуршала. Я удивляюсь, как им хватало ловкости и терпения потом перематывать эти 8 метров под партой. Второй вид шпаргалок – то, что называется «бомба», то есть готовые ответы по билетам. Пришивался к одежде большой карман, и ответы на каждый из билетов были объединены скрепкой. Человек с «бомбами» делился ответами со многими студентами, поэтому сразу же после распределения вопросов на экзамене слышался шепот: « – Шестой билет! – Ты мне не тот передал! Это восьмой!»

К сожалению, сам я не мог пользоваться шпаргалками, так как стоило мне в них заглянуть, я сразу как бы «отрубался». Я переставал понимать то, о чем я говорю, и в моих ответах сразу же пропадал элемент творчества. Ближе к старшим курсам, однако, я научился выкручиваться другим способом. Слышали такой анекдот? Один студент знал все про вшей, но вопрос на экзамене ему попался про китов. И он тогда ответил: «У китов нет шерсти, но если бы она была, в ней могли бы завестись вши. Кстати, о вшах...» Вот так же и я, если чувствовал, что не очень силен в том вопросе, который мне попадался, пытался перевести разговор на более интересную мне тему. Тем более, я тогда читал очень много журналов и знал все о последних новостях геологии и геофизики, так что темы, на которые я отвлекался, были очень интересны преподавателям.

Я учился на одни пятерки, а это не очень хорошо. Чем больше пятерок, тем больше ты боишься получить четверку. Появляется так называемый «синдром отличника». Однако со временем, как говорят, «зачетка начинает работать на тебя», и преподаватели

просто не могут тебе поставить плохую оценку. Такой принцип работал везде, только не на военной кафедре. Я очень не любил «военку», и майор, который у нас вел, в свою очередь, очень не любил меня. Все из-за того, что я носил вместо галстука шнурки от ботинок. Майор спрашивал меня: «Почему у тебя нет галстука? Все должны их носить!» Я отвечал: «Это галстук, просто мода сейчас такая». А он: «Не нужно мне модных галстуков! Носи такой же, как у всех!» И тогда я купил себе широкий атласный галстук с большой красной розой. Все смеялись, но майор уже не мог ничего сказать. Пришло время экзамена. Я заметил, что преподаватель хочет мне поставить тройку, и это меня в корне не устраивало. Тогда я отказался отвечать на часть вопросов, и мне поставили «неуд», а это значит, что у меня появилась возможность пересдать («удовлетворительно» пересдать нельзя). Позже я выбрал время, когда этого майора не было в университете, и сдал другому преподавателю, подполковнику, на «отлично». Майор был очень зол.

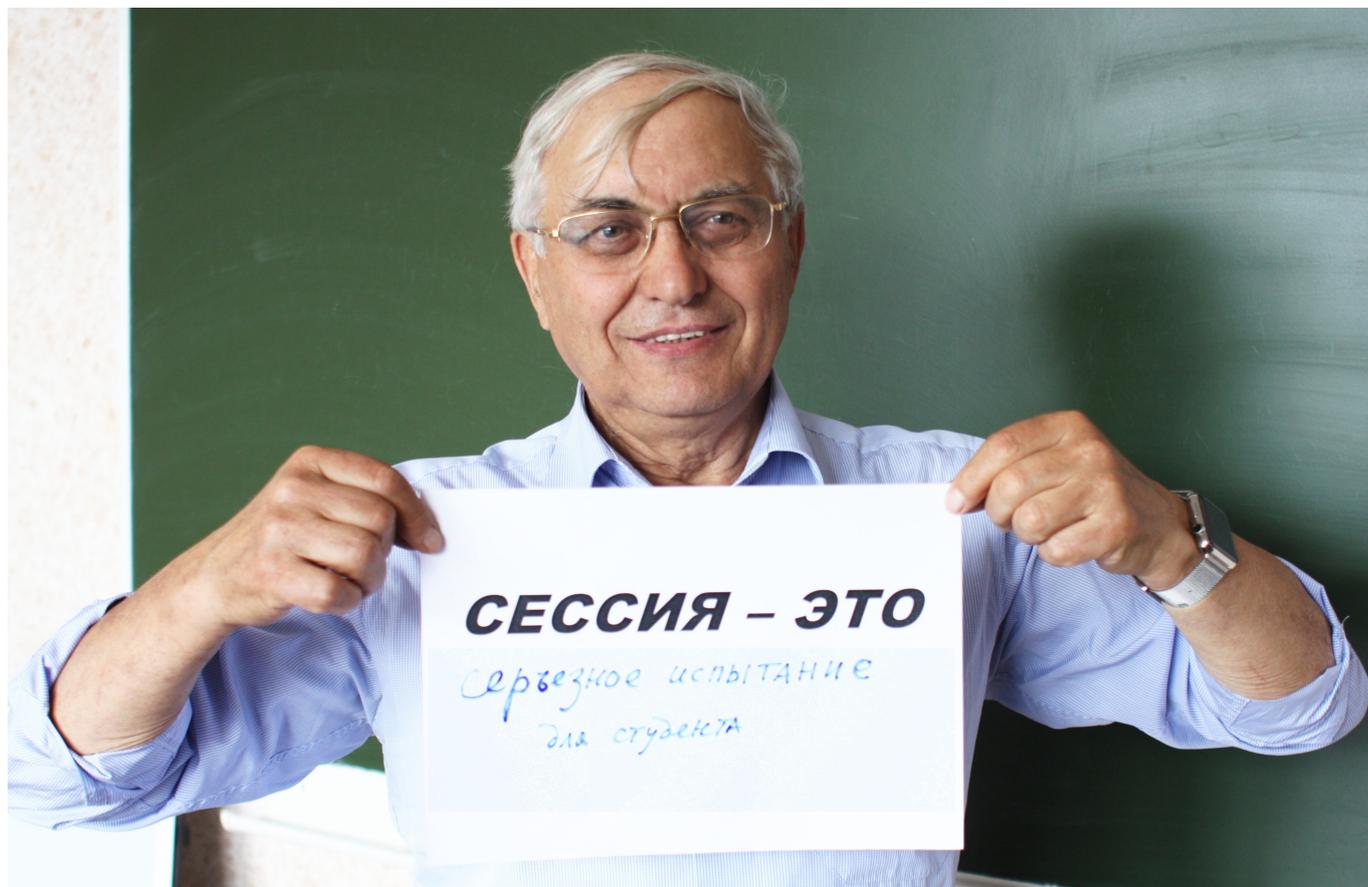
Тогда у нас была традиция ехать на экзамены на такси, чтобы успеть сдать первым. Считалось, что лучше отмучиться, а потом весь день гулять. Короче говоря, уже в 7 утра мы сидели в университете, занимали очередь. Я обычно всегда заходил первым, а потом решал задачки для своих одногруппников в коридоре. Стоит отметить, что многие преподаватели закрывали на это глаза, потому что понимали, насколько сложно учиться тем, кто вернулся из армии. Эти ребята не были глупыми, просто служба тогда была довольно долгой, особенно на морфлоте – по три года.

Надо сказать, что меня вообще не очень устраивает та система экзаменов, которая сейчас существует в России. Слишком часто преподаватели принимают устно, а хотелось бы больше тестов и письменных заданий для достижения большей объективности. Разговор двух людей – это всегда субъективно, всегда присутствует риск «затопить» студента или, напротив, зависить ему оценку. Более того, мне кажется неправильным ставить большие промежутки между экзаменами, потому что в таком случае

ребята пытаются выучить все за одну-две ночи. На самом деле, если человек знает предметы, то он может сдавать ежедневно по дисциплине. Может, конечно, студенты со мной не согласятся.

Марат Арсланов, академик Академии наук РТ, заведующий кафедрой алгебры и математической логики ИМиМ КФУ, окончил механико-математический факультет в 1966 году:

Самой популярной шпаргалкой была «гармошка»

Я с первого курса учился по индивидуальному плану, и моим научным руководителем был профессор Владимир Морозов – один из выдающихся математиков. Он был учеником небезызвестного Николая Чеботарева, основателя всемирно известной Казанской математической школы. Проблем с экзаменами у меня не было, всегда сдавал все на «отлично». Правда, был случай. Образовательную программу я проходил самостоятельно, посещение занятий было для меня не обязательным. И вот однажды я неправильно понял название курса, и в итоге подготовил не тот предмет, который должен был сдавать. Экзаменатором был Ярослав Заботин, профессор Казанского университета, который одно время даже был проректором университета. Так вот, я вошел в кабинет, взял билет и ничего не понял из того, что там написано. Показал другим студентам (благо я сел за последнюю парту), и тогда выяснилось, в чем была моя ошибка. Что же делать? А это был последний экзамен перед летом, стипендию терять не хотелось (а я получал Чебышевскую-повышенную), плюс ко всему, меня ждали в студенческом строительном отряде, времени на пересдачу не было. Я уже было отчаялся, но студенты, сидевшие

рядом, подсунули учебник. Слава Богу, у меня было достаточно времени на подготовку, ведь отвечал я одним из последних, и несмотря на то, что я видел материал в первый раз, мне удалось получить «отлично». Мне еще повезло, что на тот момент меня уже знали как способного студента, поэтому дополнительных вопросов преподаватель не задавал.

Вообще, что значит «индивидуальный план»? Мой научный руководитель направлял меня на новую тему – науку, находящуюся на стыке алгебры и математической логики. Специалистов в этой области не было. И меня такое ощущение, что некоторые преподаватели сами даже не знали те предметы, которые я готовил. Получалось так, что я им объяснял, а они с интересом слушали. Вот в Новосибирске, где я проучился два последних года, уже были специалисты в моей теме. На пары я не ходил, потому что было не интересно – я и так уже знал весь материал. Самые большие проблемы у меня были с гуманитарными науками. Был такой преподаватель – Виссарион Семенов, заведующий кафедрой политэкономии, секретарь парткома КГУ, второй человек в университете после ректора. Математика – она логична, там одно следует из другого, так называемый дедуктивный метод. В общественных науках такого нет. Все нужно запоминать, а это было для меня очень тяжело. Помню, будучи студентом третьего курса, прямо перед отъездом в Новосибирск, сдавал я последний экзамен по политэкономии Виссариону Федоровичу. Меня он слушал, слушал и сказал: «Арсланов, ставлю пять только для того, чтобы не испортить картину (а у меня были всегда лишь «отлично»), поставлю вам пять. А так вы ничего не знаете!»

У нас тогда было много сильных студентов, поэтому между нами всегда присутствовал некий дух соперничества. Всегда стремились быть не хуже, решить первым, решить больше задач. Тем не менее, взаимовыручка среди студентов всегда существовала. Всегда давали списывать друг другу. Насколько я знаю, не во всем мире так принято. Например, когда я преподавал в Америке в Корнельском университете, я заметил, что там каждый сам за себя, студенты не списывают.

Самой популярной шпаргалкой была «гармошка». На тонкий клочок бумаги записывались формулы и складывались гармошкой. Учебниками и тетрадями почти не пользовались.

Еще вот как выкручивались студенты. Я, например, сдавал экзамен, а меня студент из аудитории просил вынести его вопрос друзьям. Друзья за него решали, писали на листочек, тот, кто следующим входил в аудиторию, незаметно подкладывал ответ. Студенты – они изобретательны в этих вопросах. Но могу сказать уже как преподаватель, что всегда заметно по ответу, когда студенты списывают. Некоторые преподаватели по этой причине даже разрешают пользоваться шпаргалками.

Вообще, экзамены для меня всегда были праздником, потому что это прекрасная возможность показать себя. Если сдавал экзамен успешно, всегда хотелось об этом кричать. А уж когда сдал вступительные экзамены и увидел свое имя в списках поступивших, радости и вовсе не было предела. Даже спросил у мужчины, проходившего мимо: «Дяденька, а подскажите, пожалуйста, что-то я плохо вижу, что это написано третьей строчкой сверху?» Тот прочел: «Арсланов Марат Мирзаевич». Я тогда гордо ответил: «Это я!»

**Наталья Терещенко, профессор
кафедры социальной философии
ИСФНИМК КФУ, окончила
исторический факультет КГУ в
1986 году:**

Физкультура всегда была для нас трагедией

Первая сессия всегда самая сложная. У меня был такой случай. Я тогда жила в Зеленодольске, и не помню, то ли погода в тот день подвела, то ли еще по какой-то причине, но я опоздала на экзамен часа на полтора. Сдавать нужно было этнографию Евгению

Прокопьевичу Бусыгину. Он оказался человеком крайне лояльным, уже за полчаса всем все расставил. И когда я прибежала к аудитории, Евгений Прокопьевич выходил из нее уже одетый. Что случилось? Я запаниковала, но он мне сказал: «Ладно, не переживайте, садитесь, готовьтесь, я вас подожду». Он мне задал пару вопросов о жизни, о том, что было интересного в курсе, поставил оценку и удалился.

Шпаргалками я не пользовалась. Не потому, что я такая добросовестная студентка, просто не умела этого делать. Так же я не умею ездить без билета. Меня даже пару раз штрафовали в общественном транспорте с билетом. То я его роняла, то с ним выходил мой спутник на предыдущей остановке. Мои сокурсники делали шпаргалки, но так как тогда не было интернета и печати, все записывалось вручную. Получается, изготавливая шпаргалку, ты одновременно готовился к экзамену. Вообще, мы мало чем отличались от современных студентов. Единственное, наверное, мы больше высказывали свое мнение, в ответах не было набивших оскомину клише, зачитанных с листочка. Мы хотели не просто экзамен сдать, но как-то проявить себя. Знаете, такое соревнование: ты, билет и преподаватель. Интересно было, кто кого. С этим же был связан другой нюанс: у нас не была распространена система «автоматов». И даже помню, однажды я очень расстроилась, получив «автомат». Это был второй экзамен по философии, принимал Марат Борисович Садыков. Так получалось, что я обычно шла сдавать экзамен первая – опять же, не по причине избыточного знания, а просто я не могла долго сидеть, ждать, нервничать. Взяв билет, я тогда уже собралась пойти готовиться к ответу, но мне Марат Борисович сказал: «Назовите номер билета, и до свидания». Я огорчилась, потому что мне очень хотелось с ним поговорить, рассказать ему о том, что я знаю.

Вспоминая о сессии, нельзя не упомянуть «читалку». Мы там просто жили. Это был не просто читальный зал, это был клуб по интересам. Мы сидели в «читалке» целыми днями, приходили туда сразу после пар и уходили с закрытием библиотеки. А когда было

необходимо достать редкую книгу, начиналась настоящая «охота» за владельцем читательского билета, на которую она была оформлена.

Я заканчивала исторический факультет, потому что не было тогда моей специализации – философии. На 3 и 4 курсе мне даже пришлось писать две курсовые – по истории и по философии. Получалось так, что я защищала курсовую по истории, а потом на конференциях защищала какие-то свои идеи по философии. Кафедра философии была, но она являлась общеуниверситетской, не прикрепленной ни к какой структуре, поэтому и определиться на кафедру организационно было довольно сложно. Но если хотелось заниматься философией, все получалось. Еще одной особенностью кафедры было то, что там работали, в основном, преподаватели с нефилософским базовым образованием – физики, историки, геологи, филологи. Философия была для них не случайно обретенной специальностью, как это часто случается сегодня, а осмысленным выбором жизненного пути. Каждый шел к ней по-своему. Теперь я убеждена, что это самый верный путь: философия без какого-то конкретного знания – это либо история философии (что тоже очень интересно и профессионально сложно), либо, простите, схоластика, жонглирование понятиями, которые часто превращаются в слова, за которыми ничего не стоит. Сочетая эти слова, конечно, можно создать некоторые конструкции, но создавать смыслы гораздо сложнее. А жонглировать терминами может научиться каждый и довольно быстро. Как говорится, и зайца можно научить стучать в барабан.

У нас было довольно много экзаменов – не меньше пяти в одну сессию, – и промежутки между ними были небольшие. Мы много читали, хотя, конечно, историкам далеко до филологов. Я вот с большим удовольствием вспоминаю несколько лет преподавания у них. Я снимаю перед ними шляпу, филологи – трудяги, на всех семинарах готовы, все с прочитанными текстами.

Экзамены – это веселое, хорошее время. Если к ним относиться как катастрофе, которую нужно пережить, то для студента не

будет никакого толка. На самом деле это прекрасная (и часто единственная) возможность посмотреть на весь курс в целом, так сказать, обобщить и систематизировать полученные знания. Я не помню, чтобы нас этому специально учили, у нас не было таких предметов как сейчас – «Как писать научную работу» или «Как читать философский текст» (глазами и головой!). Но от нас всегда требовали, чтобы ответ не был фрагментарным. В философии это особенно выражено – все проблемы построены по принципу рондо. Мы обязательно возвращаемся к тому, что было, только смотрим на проблему с другого ракурса. Поэтому получив вопрос, необходимо «втащить» в ответ весь курс.

Мы всегда отмечали конец сессии. С одногруппницей у нас была такая традиция: после каждого экзамена мы шли в кино. Это был «Спутник» или «Родина». Чаще всего мы попадали на какой-нибудь индийский фильм, их тогда было много, а мы фильм не выбирали, просто шли в ближайший кинотеатр на ближайший сеанс. И тут мы становились просто кошмаром для плачущих в зале тетюшек и бабушек, ведь они искренне сопереживали героям, а нас разбирал смех. Мы старались комментировать все очень тихо, но иногда нас прорывало, и тогда меня с подругой даже просили выйти из зала. Назовем это нашей формой разрядки.

Физкультура всегда была для нас трагедией. Я помню эти жуткие походы на лыжную базу. Потом я приболела, и меня перевели в спецгруппу, которая занималась на стадионе – это было легче. У нас была такая крупная преподавательница (к сожалению, не помню ее имени), которая мне постоянно кричала: «Терещенко! Давай, сойди уже с дистанции, не могу на тебя смотреть». Физкультура для всех была проблемой. У кого не было проблем с самой физкультурой, были проблемы с посещением, у кого не было проблем с посещением, были проблемы с нормативами. Физкультурники были непреклонны, как Мартин Лютер: «Стою на своем». Для нас же существовал лишь один выход – отработать, пробежать, отходить, отпрыгать.

Но сессия всегда когда-то заканчивалась. Закончится и сегодня. Всем желаю успехов и оптимизма на экзаменах.

**Светлана Селивановская,
директор Института экологии и
природопользования, окончила
факультет биологии и
почвоведения в 1980 году:**

***Зачет по практике был
настоящим кошмаром***

Я была девочкой из категории отличниц, поэтому мы очень усердно готовились к экзаменам. Вообще, моя группа была довольно сильной, и многие из нас остались работать в университете. Поэтому мы все приезжали в университет к шести утра, чтобы занять очередь на сдачу экзамена. И если ты, допустим, заходил пятым, тебя считали неудачником. Экзамены сдавали по-разному, все зависело от преподавателя. Были такие предметы, где нужно было все выучить от и до – это, например, неорганическая, органическая химия. А были такие экзамены, к которым мы знали, что можно готовиться не так дотошно. Я практически не списывала, потому что не очень умела это делать. Тем не менее, был у нас один преподаватель, о котором мы заранее знали, что он ничего не спрашивает, главное, во время сдачи положить ему на стол газету. Он приходил на экзамен, раскрывал ее, и в этот момент можно было достать свои бумажки и по ним подготовиться к ответу. Мы установили очередность, по которой ходили к нему на лекции, чтобы у нас были все конспекты. Перед экзаменом собрались, каждый себе подготовил ответы. Экзамен был с легкостью сдан, однако я

теперь жалею, что я учила этот предмет не так усердно, как, допустим, химию. Мне бы в будущем было намного легче. Экологу и биологу важно быть универсальным специалистом, нужно знать и химию, и физику, и математику, и другие предметы.

Довольно часто мы готовились к экзаменам по два-три человека. Это было очень удобно, потому что вместе разбираться гораздо легче.

По натуре я жаворонок, поэтому мне всегда было легче заниматься утром. Во время подготовки часов в девять вечера я ложилась спать ровно на 20 минут (просыпалась без будильника), а потом продолжала учить. Такой перерыв помогал организму мобилизоваться. Но в ночь перед экзаменом я ничего не учила, потому что голова во время сдачи должна быть свежей. Уже в девять часов мы ложились спать, чтобы успеть выспаться. Вообще, чтобы действительно хорошо знать материал, нужно после того, как услышал лекцию, перечитать конспект в течении 24 часов. В это время у вас в памяти еще сохраняются эмоции преподавателя, примеры, которые не были записаны. Если же это отложить на три месяца, и читать свои записи непосредственно перед экзаменом, вы рискуете лишь запутаться.

Для меня сессия однозначно не была пыткой. Время это было очень приятным и веселым, потому что оно сочетало в себе периоды работы и дни радости после успешно сданных экзаменов. Полученные «отлично» мы отмечали в тот же день в кафе или в кино. Нам нравилось, что не нужно постоянно ходить на занятия, и при этом мы радовались, что действительно знаем предметы, а значит, учимся не зря.

Конечно, на старших курсах сдавать было легче. Хочется сказать классическое «зачетка работала на нас». Но есть у меня и печальное воспоминание. Математика длилась у нас три семестра: зачет, экзамен и еще один итоговый экзамен. На первом экзамене я все решила, ответила на все вопросы, и довольный преподаватель меня похвалил: «Молодец, хорошо!» Я обрадованная выпорхнула из аудитории, открыла зачетку, а там действительно

стояло «хорошо»! Было очень неожиданно и обидно.

Была у нас еще и летняя практика, во время которой мы должны были выучить то ли 50, то ли 100 латинских названий растений и животных. Зачет по практике был настоящим кошмаром. Одна девочка у нас писала стихи, и вот для того, чтобы запомнить все эти названия, она их рифмовала, создавая шуточные четверостишия. До сих пор помню:

Melasoma populi (тополевый листоед)

Опадали с тополя.

Melasoma populi

Нас с Захарой слопали.

«С Захарой» – то есть, со мной (моя девичья фамилия Захарова). У нас даже был целый семестр литературной латыни, но, к сожалению, на этом мертвом языке мы так и не успели научиться разговаривать».

**Марат Хамадеев, ассистент
кафедры оптики и
нанофотоники, окончил
физический факультет КГУ в
2008 году:**

Признаться, на первых порах

я и сам было отвлекался от лекции на флирт с девушкой из параллельной группы...

Экзаменационная сессия – это, безусловно, ярчайшее воспоминание в жизни любого студента. Я – не исключение. После провинциальной гуманитарной школы предметы на физфаке поначалу давались тяжеловато, и первая экзаменационная сессия прошла под страхом получить тройку. Именно тогда я в первый и последний раз в жизни попытался списать на экзамене: попросился в туалет, где открыл свои лекционные записи по предмету. Однако в тот раз мой ужасный почерк (а он у меня до сих пор отвратительный) одержал победу над человеком, и, будучи в стрессе, я не разобрал ни буквы из собственного конспекта, который тогда мне показался манускриптом, написанном на языке древней цивилизации, канувшей в лету. В общем, этот акт неповиновения системе оказался бессмысленным, пришлось срочно включать мозги, и за тот экзамен мне удалось получить четверку. Со временем я втянулся в учебу, перестал получать четверки, а зачетка, как это обыкновенно бывает, начала работать на меня. К тому моменту экзаменационная сессия превратилась для меня в аналог каникул: можно было высыпаться, заниматься весь день любимыми делами, встречаться с друзьями и

близкими. Единственное, что нужно было обязательно сделать, – это пару раз перечитать конспект.

Вспоминается в этой связи один забавный эпизод, связанный с зачетом по культурологии – суровым испытанием для студентов естественнонаучных факультетов. Зачет принимала очень строгая преподавательница (к сожалению, за давностью лет забылась ее фамилия), большой специалист в своей области. К своему делу она подходила основательно и принципиально, не делая скидки на то, что мы физики, поэтому ребята с нашего потока приходили к ней на сдачу до шести раз (и это не гипербола). В чем же была причина того, что нашему брату так тяжело давался этот предмет? Дело в том, что лекции были потоковые. Разумеется, очень сложно было удержаться от того, чтобы предпочесть материалу лекции удовольствие от общения со своими приятелями (а иногда даже и игры в преферанс). Преподавательница, как человек мудрый, даже не пыталась бороться с этой стихией, а просто читала лекции для первых рядов. Признаться, на первых порах я и сам было отвлекался от лекции на флирт с девушкой из параллельной группы. Но в какой-то момент я пересел вперед и открыл для себя, что преподаваемый материал очень интересен. Я узнал, например, чем византийский стиль в архитектуре отличается от готического, или какой смысл имеет расположение фигур на картинах Да Винчи. В общем, черпнул знаний, которыми, как говорится, не стыдно засветиться в культурном обществе.

Перед зачетом по этому предмету мы заранее собрались около аудитории в ожидании преподавательницы. Один из одногруппников, явно только что узнавший о зачете, поинтересовался у меня сутью предмета. Я начал рассказывать в общих чертах. Наш разговор услышал еще один одногруппник, стал задавать вопросы. На его голос пришел третий. В итоге через полчаса на полу второго этажа второго корпуса Казанского государственного университета образовался минилекторий для всей группы с кратким содержанием курса культурологии. Где-то на барокко мимо нас прошла наш лектор. Кажется, это был первый и последний раз, когда я видел улыбку на ее строгом лице.

Когда пришла моя очередь сдавать зачет, она произнесла фразу: «Кажется, Вы – единственный, кто слушал мои лекции», и вместо билетов положила передо мной подборку известнейших произведений искусства, а от меня требовалось назвать эпохи. Зачет я, естественно, получил, и до сих пор надеюсь, кто-то также его получил благодаря нашему импровизированному лекторию».

Истории слушала **Алсу ГАРАПОВА**